

## Нормально, Григорий? Отлично, Гай Юлий!

Проблема церковного календаря (точнее, календарей), несомненно, существует и требует обсуждения. Однако, дискуссии по этому вопросу почти нет, а есть только навешивание ярлыков. Сторонники нового стиля с высоты *Научности* пренебрежительно посматривают на своих оппонентов: мол, что с них взять — темнота! Еще десятка два тысячелетий, и у них декабрь будет летом... Короче, невежество. (При этом, сами весьма приблизительно представляют сущность григорианской реформы, — об этом ниже.) Убежденные старостильники при упоминании о «католическом» календаре просто закрывают уши и сплевывают через плечо: ни пяди родной земли врагу! (Вспомним попытку молодых «православных» хулиганов сорвать проповедь митрополита Владимира). Отсутствие нормального, спокойного обмена мнениями порождает серьезные трудности в общении разностильных Православных Церквей, вплоть до обвинений в ереси (про отношения с католиками говорить не будем — почитайте «Православие или смерть»). Постараемся хотя бы начать разговор о церковном календаре с позиций церковной истории и науки, а не с баррикад.

### **ПРОСТО, УДОБНО И КРАСИВО**

Если хотя бы бегло ознакомиться с научно-исторической литературой по древним календарям, можно схватиться за голову: огромное разнообразие громоздких, неудобных и запутанных систем счисления времени, совершенно несовместимых между собой, — настоящие «авгиевы конюшни». С задачей их расчистки блестяще справились по поручению Юлия Цезаря (кстати, автора трактатов по астрономии) александрийские ученые во главе с Созигеном; настолько блестяще, что мы до сих пор пользуемся их системой (григорианская реформа — только поправки, а не что-то новое). Новый простой, ясный и ритмичный календарь был введен в Римской империи с 1 января 45 г. до н. э. Правда, после смерти Цезаря жрецы некоторое время «мутили воду», назначая лишние високосы, но император Август пресек эту практику, и с 4 г. н. э. юлианский календарь стал функционировать нормально. Погрешность его составляет одни сутки за 128 лет, т. е. абсолютна незаметна на протяжении жизни каждого отдельного человека; ну а астрономам она вовсе не мешала, потому что равноденствие и т. п. они наблюдают и фиксируют «воочию», по факту события: так, при Цезаре равноденствие приходилось на 24 марта, в IV веке — на 21-е; астрономический факт один и тот же, а меняется со временем лишь *название* дня по гражданскому, относительному календарю (*любой* такой календарь относителен! Для астронома обычные и високосные года — абсурд: истинный год всегда одинаков, но в общественной жизни удобнее округлять его до суток, только и всего). Так оно всегда и было бы, но:

### **ЕСЛИ НА КЛЕТКЕ СЛОНА НАПИСАНО «БУЙВОЛ»:**

Церковный календарь отличается от гражданского тем, что кроме обычного солнечного года включает в себя еще и солнечно-лунную пасхалию. Метод определения дня христианской Пасхи приведен к единообразию (впрочем, далеко не сразу достигнутому) I-м Вселенским Собором (325 г.) Так как его определения не сохранились, и мы оперируем косвенными свидетельствами, появляется простор для различных мифов и толкований. Не углубляясь в дебри, возьмем самое общедоступное — «Православный церковный календарь» за 1997 год издательства Московской Патриархии. На стр. 7 («Пояснения:») читаем: «...праздновать Пасху в первое воскресенье по первом весеннем полнолунии, после дня **весеннего равноденствия — 21 марта ст. ст.**» (*выд. мной*) Так, после **равноденствия** или после 21 марта ст. ст., которое было таковым последний раз веков шестнадцать тому назад? Это, как говорится, две большие разницы, почему я и вспомнил предупреждение Козьмы Пруткова о возможном несоответствии таблички содержимому клетки. Теоретически, казалось бы, все ясно: все древние источники от т. н. «Анатолиевой проповеди» (IV в.) до Матфея Властаря (XIV в.) гово-

рят о *равноденствии* как границе самой ранней Пасхи (если оно совпадет с полнолунием и воскресеньем). На практике же произошла постепенная подмена реального ежегодного, легко наблюдаемого *факта* — *названием* дня, который когда-то был равноденствием. По меньшей мере, странно предполагать, что отцы Никейского Собора и ученые Александрийской Церкви, разрабатывавшие пасхалию по их рекомендациям, говоря о равноденствии, имели ввиду не астрономическое явление, а что-то иное. Если вдуматься, такая замена очевидного явления в Богоустановленном порядке мироздания на некое число в человеческом календаре не то, что бы кощунственна, но близка к тому (как, если бы мы прочитали в календаре, что сегодня полнолуние, а с неба «улыбается» тонкий серп луны). К сожалению, «21 марта ст. ст.» оказалось одним из самых живучих календарных мифов. Только не надо думать, что это «православный» предрассудок: как мы увидим ниже, именно благодаря ему, в основном, и произошла григорианская реформа.

## **РЕФОРМА: ДВЕ В ОДНОЙ УПАКОВКЕ**

Спросите своих знакомых, в чем состоит новизна «нового стиля», и получите типичный ответ: в уточнении «старого», т. е. в приближении среднего календарного года к астрономическому. Это верно только отчасти: действительно, во второй части буллы 1582 года папы Григория XIII-го повелевается впредь каждый последний год века (если номер века не делится на четыре) считать не-високосным (т. е. в конце XX-го века (20 делится на 4), вопреки распространенному заблуждению, разница в стилях останется прежней). Таким образом, в течение каждых 400 лет изымаются три лишних дня, и погрешность относительно реального солнечного года становится пренебрежительно малой. Вполне красивое решение: к четырехлетнему ритму високосов добавить аналогичный четырехвековой. Если бы папа Григорий на этом и остановился! Так ведь нет: первым пунктом реформы было, как известно, одноразовое изъятие из календаря десяти дней. На вопрос «почему десять?» большинство опрошенных мною людей отвечали примерно так: «это лишние дни, накопившиеся со времен Юлия Цезаря» (было бы логично с научно-исторических позиций) или так же, но «со времени Рождества Христова» (логично по-христиански), но когда я просил разделить 16 веков на 128 лет, и получалось не десять дней, а более двенадцати, вопрос «так, почему же десять?!» задавался уже в обратном направлении: А дело, оказывается, в том, что папа Григорий XIII, зная, как и все, что равноденствие (= граница пасхалии) во времена Никейского Собора (IV в.) приходилось на 21 марта, вместо того, что бы поменять табличку «буйвол» на табличку «слон» (т. е. признать новую реальную дату и закрепить ее поправкой ?2) или вернуть в клетку буйвола (т. е. исправить погрешность с I-го века до н. э. и обезопаситься на будущее той же поправкой ?2), нашел «золотую середину» — ампутировать слону хобот и покрасить под буйвола: выбросить десять дней и вернуть астрономическую датировку IV века. Это решение не является ни *научным* (см. выше, да и почти все университеты Западной Европы резко протестовали), ни *церковным* (для христианина, при всем уважении к Никейскому и другим Соборам, абсолютно важнейшим и определяющим моментом в истории является время вочеловечения Христа, Сына Божия, а не что-либо иное), а всего лишь следствием того самого мифологического пиетета перед «21 марта ст. ст.»! Таким образом, следует отдавать себе отчет в том, что григорианская реформа состоит из двух неравнозначных элементов: разумной и рациональной поправки, улучшающей юлианский календарь, и авторитарного, малообоснованного изъятия десяти дней, породившего только лишнюю историческую путаницу.

## **«ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС»**

Вторым чрезвычайно устойчивым мифом о христианской пасхалии является утверждение о том, что наша Пасха ни в коем случае не должна совпадать с иудейской, и что это правило также установлено отцами Никейского Собора. Как уже было сказано, определения Собора до нас не дошли, поэтому сторонники этого пункта опираются на их пересказы IV века, такие как послание имп. Константина к отсутствовавшим на Соборе епископам и правила

Антиохийского Поместного Собора 341 г. Источники, без сомнения, авторитетны и их не мешает лишний раз процитировать, чтобы убедиться в возможности очень неоднозначного толкования. Император пишет, что Собор посчитал неподобающим «совершать этот святейший праздник по обыкновению иудеев:» И действительно, Церковь разработала *другой*, отличный от иудейского, пасхальный метод и следует ему, а не ветхому обычаю, но запрет на *совпадения* здесь можно увидеть только подключив воображение. В I-м правиле Антиохийского Собора, в котором есть ссылка на Никейский, читаем: «Аще же кто дерзнет особитися и со иудеями совершати Пасху:», далее следует прещение в священнослужении, а для мирян — отлучение от церковного общения. О ком здесь речь, кажется, вполне понятно: о тех, кто не принимает всеобщую никейско-александрийскую пасхалию, а продолжает «особитися» от церковного единства, упорно следуя иудейскому календарю (а что таковые были, из истории хорошо известно). О том, что из приведенных свидетельств нельзя делать вывод о запрете на совпадение дней иудейской и христианской Пасхи, красноречиво и **однозначно** говорит тот факт, что они **совпадали** и в том же IV веке (343, 347 и другие года), и в V-м, и в VI-м, и даже (правда, теперь уже из-за некоторых тонкостей переноса Пасхи в еврейском календаре) до конца VIII-го! Т. е. веками, до тех пор, пока юлианская погрешность не увела пресловутое 21 марта достаточно далеко в сторону лета. Таким образом, те, кто ссылается на толкование Антиохийских правил в смысле *запрета* совпадений, фактически призывает к анафеме на всех отцов Церкви IV-VI вв! Вот это уже — прямое кощунство со стороны тех авторов, которые **знают** факты, но продолжают говорить о *каноническом* запрете совпадений. Утверждение, что подобные совпадения «искажают последовательность евангельских событий» также несостоятельно ни исторически (см. выше), ни логически: Церковь не может и не должна *зависеть* от иудейского календаря или ориентироваться по нему, — для того и составлен новый, *свой* богослужебный календарь, согласно которому, ежегодно вспоминая и переживая главные события Спасения (Страстная седмица и Пасха) Церковь сама выстраивает правильную их последовательность.

## **ГРИГУЛИАНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ?**

Его часто называют *новоюлианским*, и принят он Константинопольской, Антиохийской, Александрийской, Болгарской и Румынской Православными Церквями; он является соединением григорианского солнечного года и современной православной пасхалии. Почеловечески понять этот компромисс несложно: «новый стиль» является всемирным гражданским календарем, и расхождения с ним причиняют неудобства, а александрийская пасхалия (с рассмотренными выше позднейшими наслоениями) является общей для всех православных (кроме финских, принявших григорианскую систему целиком); таким образом достигается всеправославное единство «Праздника Праздников и Торжества Торжеств», а в остальном устраняется путаница двойных датировок. С другой стороны, такой календарный гибрид внутренне противоречив: ведь григорианское «изъятие» произведено именно ради упорядочения пасхалии, поэтому признание *средств* без учета *цели*, хоть как-то их оправдывающей, непоследовательно. К тому же, механическое соединение стилей необоснованно разрушает уставную сторону церковной жизни («исчезающий» апостольский пост и др.)

## **ЧТО ДЕЛАТЬ?**

Читатель вправе задать вопрос: если автор критикует все имеющиеся церковные календари, то что же он предлагает делать? Ответ может показаться неожиданным: я искренне призываю *ничего* не делать. У такой позиции есть два объяснения. Во-первых: Церкви преимущественно являются в буквальном смысле *поместными*, т. е. реальное межцерковное общение на 99 % ограничивается встречами на уровне начальства и туризма (извините, — паломничества), и на практике церковной жизни, скажем, в России различие датировок с греками или финнами никак не отражается и никому не мешает (за исключением диаспор в Англии, Америке и проч. — но это очень локальная проблема). Во-вторых: разность календарей очевидным образом является не *причиной*, а далеким историческим *следствием* разде-

ления Церквей, а потому даже полное совпадение дат и праздников (как с униатами, например) вряд ли приближает христиан к реальному Единству, а может явиться лишь одним из возможных последствий его достижения. Единственное, где мы можем в рамках данного вопроса продвинуться к реальному единству Церкви, это признать *второстепенность* самого вопроса и, как следствие, свободу в его местном разрешении (по формуле: «в главном единство, в остальном свобода, во всем любовь»). Только так мы сможем, не изменяя традициям и уставам и не принимая скоропалительных решений в угоду «благим намерениям», в тоже время сделать «прозрачной» или вовсе снять эту, далеко не самую высокую, перегородку между христианами.